

Протоиерей Фёдор Кривонос

Возрождение церковной жизни в Восточной Белоруссии в начальный период немецкой оккупации её территории (вторая половина 1941 г.)

22 июня 1941 г. войска нацистской Германии вторглись в пределы СССР и уже к концу августа того же года вся территория Белоруссии была оккупирована ими. Несмотря на отдельные очаги сопротивления, части Красной Армии в большинстве своём не сумели противостоять немцам. Одни из них попали в окружение. Другие, не вступая с врагом в бой, нередко отходили на восток, едва узнав о приближении противника, находившегося порой за 40–60 км от них¹.

Разные причины обусловили столь быстрое отступление Красной Армии: и внезапность нападения на СССР, и ошибки стратегического характера, связанные с особенностями дислокации советских войск, и репрессии среди командного состава довоенных лет, но главной причиной этого невиданного в русской истории поражения явилось, по нашему убеждению, то, что очень многие красноармейцы не желали защищать бесчеловечный коммунистический режим.

На памяти у них, в основном выходцев из простых крестьянских семей, переживших погром коллективизации, уж очень свежи были горькие воспоминания о тех арестах, которые претерпели их родные и близкие (а то и сами они) незадолго до начала войны.

Три миллиона восемьсот тысяч советских солдат и офицеров, оказавшихся в плену к концу 1941 г., и один миллион двести тысяч

¹ *Платонов Р. П.* Белоруссия, 1941-й: известное и неизвестное. Минск, 2000. С. 35.

дезертировавших и осевших на оккупированных территориях, подтверждают эту горькую мысль².

Новые, жестокие испытания с началом войны выпали на долю верующих. На долгих четыре года Белоруссия была оккупирована немцами. Православная Церковь и Её служители разделили со своим народом все невзгоды и горести, которые пришлось ему пережить...

В первые дни войны...

Достоверно известно, что в первые дни отступления советских войск сотни заключённых, содержавшихся в тюрьмах Белоруссии, были расстреляны органами НКВД³. По свидетельству И. Касяка, «вязняў з менскіх турмаў канвой пастраліў па дарозе ўжо за 60 км на ўсход ад Менска, калі была пагроза нямецкага палону. Толькі нямногія вязні ўцяклі ў прыдарожныя лясы. У Беразьвечы, каля Глыбокага, НКВД паспела пастраліць усіх вязняў на мейсцы, а ў Віцебску гарадскую турму з 200 вязнямі НКВД спаліла жыўцом»⁴.

Были ли среди расстрелянных представители духовенства, пока установить не удалось. Однако то, что с началом войны некоторые священнослужители, мирно исполнявшие свои пастырские обязанности, были убиты чекистами, сомнению не подлежит. Нам известны два подобных случая.

В те трагические для Родины дни смерть от безбожников принял священник Михаил Максимюк, служивший в церкви м. Ленино Житковичского района.

Он родился в 1900 г. в семье железнодорожного служащего. В 1925 г. окончил Виленскую духовную семинарию и тогда же был рукоположен во иереи. Окормлял приходы в с. Черни, с. Ревятичи, м. Лунинец на Полесье. За несколько лет до войны занял приход в м. Ленино.

Пастырь высокообразованный, отец Михаил отличался интеллигентностью и редкой скромностью характера. Выдержанный и всегда неизменно корректный в общении с духовенством и прихожанами, он пользовался взаимным уважением со стороны знавших его.

² История России. XX век: 1939–2007 / Под ред. А. Б. Зубова. М., 2009. С. 53.

³ Без права на помилование – II // Белгазета. 2007. 30 апреля.

⁴ *Найдзюк Язэп, Касяк Іван.* Беларусь учора і сянья. Мінск, 1993. С. 259.

Когда пастыря схватили, его супруга Наталия Иулиановна спросила у чекистов: «За что вы арестовываете моего мужа?», на что ей ответили: «Он знает немецкий язык и будет полезен немцам». Спустя несколько дней односельчане, к своему удивлению, опознали на одном из председателей местных колхозов... куртку и ручные часы священника Михаила Максимюка...⁵

В те же дни погиб протоиерей Ермолай Сурвилло, настоятель храма м. Леополь Виленской епархии. На момент смерти ему исполнилось 73 года, но даже столь почтенный возраст не остановил убийц.

Вот как вспоминает о том, что произошло тогда, его дочь Нина Ермолаевна: «В 1941 году отступающие части Красной Армии расстреливали священников. Многие священники скрывались, но мой отец считал, что ему нечего прятаться, покольку он никогда не совершал никаких преступлений. В тот день, когда за ним пришли солдаты, отец был вызван на погребение в нескольких километрах от Леополья. Прихожане, узнав о готовящемся покушении, сообщили вознице, который вёз отца, и попросили не везти его домой. Возница остановился недалеко от дома в лесу и оставил там отца. Беспокоясь за судьбу моей матери, отец пришёл домой. Он был в духовной одежде с крестом на груди. У солдат он попросил возможности проститься с церковью. Собралось много людей, они плакали. Отец благословлял их до тех пор, пока солдаты не перевезли его на другой берег реки Двина, а оттуда в тюрьму города Дриссы. По рассказу прихожанина, который там был в заключении, через день вместе с солдатом, потерявшим рассудок, отца вывели ночью из камеры без вещей. Больше его никто не видел. Это было в июле 1941 года»⁶.

Наряду с убийством отдельных представителей духовенства в первые недели войны разрушению подверглись некоторые православные храмы.

Так, в с. Старые Дороги Минской области «отступающие части Красной Армии взорвали прекрасное каменное здание церкви и весь район остался без храма»⁷.

⁵ Письмо Наталии Иулиановны Максимюк от 12 ноября 1994 г. / Архив протоиерея Феодора Кривоноса.

⁶ Письмо Нины Ермолаевны Сурвилло от 17 апреля 2000 г. / Архив протоиерея Феодора Кривоноса.

⁷ Дела и дни Стародорожской церкви // Церковный благовест. 1943. № 1 (13 июня).

В городах Восточной Белоруссии действовали специальные бригады, специализировавшиеся на поджогах и разрушениях. По свидетельству В. И. Алексеева, «в Витебске... Свято-Покровская церковь и Николаевский собор уцелели от пожара потому, что комсомольская бригада, состоявшая из молодых девушек, погибла до осуществления плана уничтожения этих храмов»⁸. По свидетельству профессора П. Д. Ильинского, «...в Полоцке, как и повсюду в других местах, отступающие войска и специальные комсомольские бригады зажигали жилые постройки, магазины и склады. Под страшный вопль и плач населения они ходили из дома в дом, бросая бутылки с бензином. Люди едва успевали выскочить на улицу, сохраняя из имущества только то, что было на себе. Никакие протесты не помогали: в пытавшихся оказать сопротивление или тушить пожар – стреляли»⁹.

Открытие православных храмов во второй половине 1941 г.

На Минщине...

Накануне вторжения немцев на территории Восточной Белоруссии не было ни одного официально действующего православного храма.

Как отмечает И. Касяк: «У сталічным Менску захавалася непарушанай адна малая царкоўка на вайсковых могілках. Усе іншыя з яшчэ існуючых будынкаў-цэркваў былі пераробленыя для нерэлігійных мэтаў; напрыклад: Кацярынаўскі сабор – на склад кансэрваў для фабрыкі; Праэбражэнская царква – на спартовы клуб і залю для танцаў; Казанская (чыгуначная) царква – на клуб глуха-нямых; царква сьв. Духавага манастыра – на архіў. Такое самае становішча было па ўсёй Усходняй Беларусі»¹⁰.

На свободе оставалось лишь малая толика тех, кто в недавнем прошлом предстоял у престола Божьего. Огромная часть духовенства либо

⁸ Алексеев В. И., Ставру Ф. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское возрождение. Москва–Нью-Йорк–Париж, 1981. № 14. С. 90.

⁹ Ильинский П. Три года под немецкой оккупацией в Белоруссии (Жизнь Полоцкого округа 1941–1944 г.) // Грани. 1956. № 30. С. 89.

¹⁰ Касяк. І. 3 гісторыі Праваслаўнай Царквы беларускага народу. Нью-Йорк, 1956. С. 81.

была расстреляна, либо заточена в концлагеря, либо томилась в ссылках...

Белорусские просторы к востоку от старой советско-польской границы являли собой духовную пустыню, которую надлежало оживить, пробудив в душах людей веру в Господа. В условиях военной разрухи эта задача была не из простых.

Первые православные храмы на оккупированной немцами территории стали открывать миряне. 28 июня 1941 г. в Минске, сразу же после вступления в город воинских частей вермахта, верующие сорвали замки с храма Святого Александра Невского и начали молиться в нём без священника. Вот как об этом событии рассказывает протоиерей Борис Васильев: «В Александро-Невской церкви женщины сбили замок с главных дверей и после трёхлетнего перерыва свободно вошли в храм. Утварь была почти вся уцелевшая, но многие драгоценные предметы похищены. Женщины вымыли храм и начали сами молиться. И каково было удивление всех окрестных жителей, погорельцев, оставшихся в живых, когда после трёхлетнего перерыва они услышали пение в храме. Все бежали в церковь со слезами...»¹¹.

Спустя некоторое время стали открываться и другие уцелевшие храмы. 4 августа возобновились службы в церкви Святой Марии Магдалины на Сторожовке. 17 августа открылся Спасо-Преображенский храм бывшего женского монастыря, и вскоре в нём собралось двенадцать насельниц, до закрытия храма в 1925 г. подвизавшихся в этом монастыре¹².

В отдельных, немногочисленных пока новооткрытых церквях Минщины богослужения стали совершать те редкие священники, которые выжили в условиях большевистского погрома.

В Борисове в августе 1941 г. возродилась Свято-Андреевская церковь. В ней начал служить протоиерей Феодор Шарковский. «Человек скромный и глубоко религиозный... очень уравновешенный, спокойный и незлобивый»¹³, до войны он был арестован и сослан на три года в Сибирь¹⁴. После возвращения из ссылки, по причине закрытия почти

¹¹ *Васильев Борис, протоиерей.* Воспоминания (машинопись) / Архив протоиерея Фёдора Кривоноса. С. 23.

¹² Церкви и приходы Минска. История и современность. Минск, 1996. С. 24, 25, 33, 56.

¹³ Архив Минского епархиального управления (МЕУ). Послужные списки умерших священнослужителей (ПСУС). Т. 6 (М–Я).

¹⁴ *Кривонос Феодор, священник.* У Бога мёртвых нет. Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 годы). Минск, 2007. С. 148.

всех церквей в Минской епархии, отец Феодор нигде не служил вплоть до начала войны. Верующие с огромной радостью встретили этого пастыря, который пользовался у них заслуженным авторитетом и большой любовью.

Тогда же возобновил свою деятельность кладбищенский храм в с. Большая Ухолода Борисовского района. По приглашению общины верующих его настоятелем стал семидесятилетний старец протоиерей Михаил Пигулевский¹⁵. В 1932 г. по обвинению в противодействии так называемому «колхозному строительству» этот пастырь также был арестован и отбывал свой ссыльный срок¹⁶. Почтенный возраст не воспрепятствовал ему опять вернуться к исполнению своих священнических обязанностей, как только это оказалось возможным.

В августе 1941 г. церковные песнопения зазвучали ещё в одном храме, расположенном недалеко от Борисова – церкви Святого Архистратига Михаила в Зембине. Имя его первого настоятеля военных лет неизвестно. Сохранились сведения лишь о том, что диаконом-псаломщиком в нём с августа служил отец Георгий Шукевич, до 1936 г. руководивший церковным хором в Смиловичах. Позднее 13 мая 1943 г. он был посвящён во иереи и вступил в обязанности настоятеля Зембинской церкви¹⁷.

15 августа митрополит Пантелеимон (Рожновский) назначил настоятелем церкви в с. Лапичи Бобруйского района священника Николая Сикорского. Выходец из Белоруссии, в сан иерея он был рукоположен на Дальнем Востоке. Дважды арестовывался там за самоотверженное исполнение своего пастырского долга. Незадолго до начала войны отец Николай приехал в Белоруссию и устроился работать в колхозе с. Лапичи. Здесь он смог продолжить своё пастырское служение в военные годы¹⁸.

Вскоре православные жители Бобруйска приступили к ремонту Свято-Николаевского собора. Он возобновил свою деятельность 13 октября и был «торжественно освящён при многочисленном стечении народа. Храм не вмещал и половины желавших присутствовать верующих»¹⁹.

¹⁵ Архив МЕУ. ПСУС. Том 6 (М–Я).

¹⁶ *Кривонос Феодор, священник. У Бога мёртвых нет...* С. 153.

¹⁷ Архив МЕУ. ПСУС. Т. 7 (С–Я).

¹⁸ Там же. Т. 6 (М–Я); *Соколов Георгий, протоиерей. Храмы и люди. Онуфриевский приход Мстиславского района в 1944–59 годах по документам Государственного архива Могилёвской области // Могилёвские епархиальные ведомости. 2007. № 2 (163).*

¹⁹ Церковный благовест. 1943. № 1 (13 июня).

Первые богослужения во всех вновь открытых храмах Минска совершил прибывший из Пружан иеромонах Владимир (Финьковский)²⁰. 25 июля 1941 г. он подал на имя настоятеля Жировичского монастыря епископа Венедикта (Бобковского) просьбу о принятии его в число братии этой обители. 20 августа митрополит Пантелеимон выдал ему «кананічную місью на ўсход», подтверждавшую права отца Владимира на открытие православных храмов на Минщине²¹. Он же возвёл его вскоре в сан игумена.

Как видно из немецких документов военного времени, миссия Владимира (Финьковского) по замыслу оккупационных властей должна была послужить противовесом той прозелетической деятельности, которую намерены были развернуть в Восточной Белоруссии римо-католики.

«Борьба Советов против русской православной церкви, – отмечалось в одном из немецких документов, – привела к тому, что... на территории Белорутении (Белоруссии. *Прот. Ф. К.*) осталось лишь очень немного русских православных священников... католическая церковь считала, что пришло её время в качестве миссионера, и приняла меры по отправке большого контингента священников – особенно из эрцпархии Вильно – в Белорутению...»

Очевидно для того, чтобы уравновесить активность римской католической церкви, оперативной группе “Б” в начале августа 1941 г. пришлось доставить из Брестско-Литовского округа в Минск священника Владимира Финковского, который должен был, опираясь на поддержку немцев, способствовать активизации жизни православной церкви на территории Белорутении. Нет никакого сомнения в том, что Финковскому удалось создать весьма весомый задел в работе православной церкви, причём одновременно он проводил безупречную пронемецкую пропаганду...»²²

Иеромонах Владимир (Финьковский) был человеком амбициозным. Вступив в тесное сотрудничество с немцами, он вынашивал явно

²⁰ Центральный Архив Комитета государственной безопасности Республики Беларусь (ЦА КГБ РБ). Д. 35844-с. Л. 13.

²¹ Копія Акта № 3 Дзеянняў Сабора епіскапаў Сьв.Праваслаўнай Беларускай Царквы ад 11 сакавіка 1942 г. (копія) / Архив протоиерея Феодора Кривоноса.

²² Из отчёта оперативной группы «А» (Айнзатцгруппы «А») о положении христианских конфессий в Прибалтике и Белоруссии за период с 16 октября 1941 г. по 31 января 1942 года // Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. М., 2009. С. 557.

карьеристские планы, надеясь вскоре стать епископом²³. В сообщении СД от 21 сентября 1941 г. говорилось, что в своей комнате он повесил портрет Гитлера и за каждым богослужением произносил благодарственные слова в адрес фюрера²⁴. Подобное подобострастие перед оккупантами вызвало недоумение и настороженность среди многих жителей Минска.

Свою деятельность новоприбывший миссионер активно проводил не только в Минске, но и за его пределами. Для выезда на приходы немецкие власти выделили ему автомобиль, что по тем временам было невиданной роскошью для духовного лица.

Когда в сентябре 1941 г. в Воложине решили произвести закладку нового православного храма, туда приехал игумен Владимир и во время богослужения выступил с речью, в которой восхвалял немецкую армию²⁵. 5 сентября 1941 г. он побывал в Логойске, где принял участие в открытии Свято-Николаевской церкви²⁶. Выезжал он и в другие места, близлежащие к Минску.

Превысив свои полномочия, Финьковский стал назначать священников на приходы, а в общении со священнослужителями, по свидетельству архиепископа Афанасия (Мартоса), держал себя высокомерно и нетактично²⁷.

Подобное поведение вызвало недовольство митрополита Пантелеимона. По его благословению в конце сентября 1941 г. в Минск из Жирович приехал епископ Брестский Венедикт (Бобковский). Перед ним была поставлена задача: провести переговоры с немецкими властями на предмет того, чтобы Православную Церковь в Белоруссии не номинально, но по существу дела мог возглавить митрополит Пантелеимон.

В Минске владыка Венедикт, к удивлению многих, был крайне недоброжелательно встречен игуменом Владимиром (Финьковским), который стал интриговать против него после того, как владыка категорически отверг настойчивые домогания игумена возвести его в сан архимандрита.

²³ *Рэйн Леанід*. Праваслаўная Царква ў Беларусі за нямецкай акупацыяй // АРСНЕ. 2008. № 5. С. 279.

²⁴ *Шкаровский М. В.* Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2002. С. 426.

²⁵ ЦА КГБ РБ. Д. 20622-с. Л. 56.

²⁶ ЦА КГБ РБ. Д. 30645. Т. 1.

²⁷ *Афанасій (Мартас), архіепіскап*. Матэрыялы да гісторыі Праваслаўнай Беларускай Царквы. Жыровіцы, 2004. С. 53.

Более того, отец Владимир стал распространять о прибывшем архиерее нелепые слухи о том, что тот хочет перевести местную Церковь в унию и даже римо-католичество.

За подобные интриги его запретили в священнослужении, и тогда поняв, что, оставаясь в подчинении у митрополита Пантелеимона, архиерейства ему не снискать, игумен-авантюрист решил сменить юрисдикцию и объявил себя пребывающим в подчинении митрополита Дионисия (Валединского), проживавшего в Варшаве.

Обозлившись на епископа Венедикта, в середине ноября 1941 г. он выехал в Варшаву, где после недолгих раздумий митрополит Дионисий в нарушение канонических правил возвёл иеромонаха Владимира в сан архимандрита.

Высокоименитый Варшавский иерарх был не прочь распространить свою юрисдикцию на белорусские православные приходы и именно из этих соображений решил использовать новопосвящённого архимандрита в своих целях. Но подобного рода стремление вызвало негативное отношение со стороны немцев, которые стремились разделить Православную Церковь в пределах оккупированной территории на несколько юрисдикций и в Белоруссии были намерены заставить местное духовенство пойти по пути провозглашения автокефалии.

Получив искомый сан архимандрита, отец Владимир вскоре возвратился в Минск и опять стал интриговать против высшей церковной власти...

Тогда по распоряжению митрополита Пантелеимона была создана специальная комиссия по расследованию злоупотреблений, допущенных им в период его миссионерства. На основании материалов, собранных этой комиссией, 11 марта 1942 г. Собор епископов принял акт об исключении отца Владимира (Финьковского) из клира Святой Православной Белорусской Церкви и передал «дело» о его запрещении митрополиту Дионисию с просьбой вызвать отца Владимира в Варшаву как своего клирика.

Среди девяти пунктов-обвинений Финьковского процитируем некоторые, характеризующие те злоупотребления, которые он допустил.

«Ён супраць манашаскім абяцанням, – гаворилось в упомянутом акте, – адыйшоў ад падчынення свайму Настаяцелю і дасаджаў і дасаджае... ад месяца верасня 1941 г. да апошняга момэнту; проціў дадзенай яму кананічнай місіі прысвоіў сабе правы Епіскапскія ў г. Мен-

ску і акрузе, забараняў або вызначаў прыязжаючых на ўсходнія прыходы сьвяшчэннікаў і перашкаджаў епіскапу Венедзікту ў арганізацыі Беларускай Царквы...

Ён супраць царкоўных пастаноў... пры ўсіх Богаслужэньнях, будучы простым іераманахам, прэдстаяў першым у прэстола Божья, гэтым змушая пратаіерэяў стаяць на 2-гіх мейсцах пры службе; прысвоіў сабе тытул “Гаупрыстар” – праваслаўны сьвяшчэньнік Нямецкай групы”.

Ён абкладаў духавенства вялікімі падаткамі пад прыкрыцьцем на рамонт царквы і браў гэтыя грошы на сваю карысьць.

Будучы забаронены ў сьвяшчэннаслужэньні, ён перашкаджаў Епіскапу і сьвяшчэньнікам служыць у царкве, адабраў і схваў ключы ад царквы і змусіў Епіскапа зварочвацца да паліцыі, каб адабраць у яго ключы»²⁸.

Спустя некоторое время после обнародования данного решения Собора Белорусской Церкви игумен Владимир (Финьковский) уехал в Варшаву, навсегда оставив Минск, а вместе с тем и весьма недобрую память о себе. Из-за своих амбиций, корыстолюбия и карьеристских устремлений он не смог достойно выполнить ту миссию, которая была поручена ему митрополитом Пантелеимоном в самом начале войны с немцами...

Совершенно иным миссионером, с примерным усердием и редким достоинством исполнившим возложенные на него обязанности, был архимандрит Серафим (Шахмуть), ныне канонизированный Русской Православной Церковью в лике новомучеников.

В миру его звали Романом. Он родился 15 июля 1901 г. в д. Подлесье Ляховичской волости Барановичского уезда Гродненской губернии и происходил из бедной крестьянской семьи. С детских лет мечтал послужить на ниве церковной и в 1923 г. в Жировичском Свято-Успенском монастыре принял монашеский постриг с именем Серафима. Благодаря хорошим певческим данным ему поручили клиросное послушание. Он был замечательным регентом и уставщиком. В 1935 г. его рукоположили во иеромонахи и отец Серафим продолжил своё служение при храме в с. Курашево Бельского уезда Белостокского воеводства (до конца 1937 г.). Там он занимался миссионерской деятельностью среди тех местных жителей, которые в 20–30-е гг. были совращены в

²⁸ Копія Акта № 3 Дзеянняў Сабора Епіскапаў Сьв. Праваслаўнай Беларускай Царквы ад 11 сакавіка 1942 г. (копія) / Архив протоиерея Феодора Кривоноса.

унию «восточного обряда». Многие из них благодаря знакомству с ним вновь возвратились в лоно Православной Церкви²⁹. Неся крест монашеского послушания, отец Серафим вёл строго аскетическую жизнь. В Жировичах он одно время поселился и жил при Свято-Георгиевской кладбищенской церкви, которая никогда не отапливалась. И в холод и в жару ходил только в сапогах. В конце 1939 г. владыка Пантелеимон (Рожновский) возвёл его в сан игумена, немного позже посвятил в сан архимандрита³⁰.

17 августа 1941 г. по благословению митрополита Пантелеимона архимандрит Серафим, вместе со своим другом иереем Григорием Кударенко, покинули Жировичский монастырь и выехали в направлении Минска. Им было поручено заняться организацией церковно-приходской жизни там, где она была разрушена в довоенный период.

В Минск миссионеры прибыли только 23 октября, а до этого посетили множество селений Восточной Белоруссии, везде неустанно проповедуя Слово Божье. Столь длительное пребывание в пути объяснялось тем, что в Минск они отправились не на поезде, а на лошадях (а где и пешком) с тем, чтобы посетить как можно большее количество населённых пунктов.

Передвигаясь подобным образом, отец Серафим и отец Григорий принимали участие в открытии ранее закрытых православных храмов, совершали в них богослужения, избирали строительные комитеты для ремонта церквей, проводили массовые крещения детей и собирали на имя митрополита Пантелеимона прошения от местных жителей, содержащие просьбы о направлении в то или иное селение приходских священников.

В Копыльском районе миссионеры посетили: Копыль, Тимковичи, Сёмковичи, Романово, Лешню, Киевичи, Быстрицу, Воробьевичи, Евангелевичи, Потейки. В Слуцком районе побывали в Слуцке, Грозове, Греске, Трухановичах, Басловцах. В Узденском районе заезжали в Узду, Песочное, Семёновичи и другие места...

До сих пор (хотя прошло почти 70 лет!) некоторые старожилы вышеперечисленных селений сохраняют память о побывавших у них,

²⁹ Meczennicy XX wieku. Martyrologia Prawosławia w Polsce w biografiach świętych. Warszawa, 2004. С. 138-140.

³⁰ *Кривонос Фёдор, священник*. Жития священномучеников Минской епархии. 1-я половина XX века. Минск, 2002. С. 155-156.

тогда ещё совсем маленьких детей, миссионерах: архимандрите Серафиме и иерее Григории.

Настоятель Копыльского Свято-Вознесенского храма священник Сергей Чарный в 2010 г. записал эти краткие свидетельства, сохранившиеся в детской памяти с 1941 г. Люди запомнили миссионеров как монахов, хотя иерей Григорий в то время был ещё целибатом.

Воронко Мария Васильевна (1930 г.р.) из села Потейки рассказывает: «Помню, что к нам в деревню приехали два монаха и собирали нас, детей, в доме Хартанович Магдалены и учили нас молитвам. Помню, что мать отправила меня в деревню Трояново, чтобы я сообщила о их приезде. Церковь во время войны работала. До сих пор помню эти молитвы».

Тукай Леонида Гигорьевна (1930 г.р.) сообщает: «Мы собирались в доме Хартанович Магдалены, человек 10 девочек, и нас учили молитвам два монаха. Мы записывали “Отче наш” и “Богородицу” на кусках обоев. До сих пор помню эти молитвы».

Астрейко Людмила Иосифовна (1932 г.р.) говорит: «Было холодно. Нас детей собирали в доме и учили молитвам два монаха. Эти молитвы помню до сих пор и каждый день молюсь»³¹.

После освобождения Белоруссии от немецких захватчиков в сентябре 1944 г. обоих миссионеров арестовали. На одном из допросов отец Серафим на вопрос о том, что он говорил во время проповедей при посещении вышеназванных селений, прямо и нелицеприятно ответил, что часто обращался к народу примерно со следующими словами: «Россия была верующая. Верили наши предки, деды, прадеды, и теперь наша страна и наш народ придут к счастливой жизни только через веру. Нехорошо, что безбожники закрывали наши святыни и храмы, что ваши отцы и матери умирали без напутствия Святых Таин и хоронились без священника, а дети росли некрещёные и не венчалась ваша молодёжь»³².

Такие проповеди, по свидетельству архимандрита Серафима, проносились им и священником Григорием Кударенко почти в каждой церкви. Везде, где они побывали, встречавшие их люди с неподдельной

³¹ Свидетельства М. В. Воронко, Л. Г. Тукай и Л. Ю. Астрейко / Архив протоиерея Феодора Кривоноса.

³² ЦА КГБ РБ. Д. 35844-с. Л. 59–60.

радостью вслушивались в речи двух выходцев из древней Жировичской обители; с душевной теплотой относились к этим странникам, избравшим тернистый путь миссионерского служения своему народу в тяжелейшее безвременье войны.

Не случайно хорошо знавший их епископ Венедикт (Бобковский) так отзывался, например, об отце Серафиме: «...архимандрит Серафим (Шахмуть) выявляет себя поистине апостолом Христовым, пешком обходя грады и веси освобождённой от большевиков Белоруссии. Это – праведник, каких теперь почти нет...»³³

Данные слова наилучшим образом характеризуют преподобномученика Серафима...

Высоко оценивавший миссионерскую деятельность архимандрита Серафима епископ Брестский Венедикт, приехавший в Минск в конце сентября 1941 г., сумел выполнить поставленную перед ним задачу. Через посредство белорусского политического деятеля Радослава Островского, вступившего в тесное сотрудничество с немцами, владыка Венедикт достиг договорённости с оккупационными властями относительно того, что митрополит Пантелеимон может переехать в Минск и официально возглавить Православную Церковь в Белоруссии. При этом были принято выдвинутое немцами условие, что местная Церковь встанет на путь провозглашения автокефалии. Оно было принято митрополитом с оговоркой, которая сводилась к тому, что организация церковной жизни в данном направлении должна непременно протекать каноническим путём³⁴.

Вскоре в Минск были назначены настоятели возобновлённых храмов. Они прибыли из Западной Белоруссии. В Свято-Александро-Невскую церковь – священник Иоанн Кушнер. В Свято-Екатерининский собор на Немиге – протоиерей Иосиф Балай в качестве настоятеля и священник Николай Лапицкий (как его помощник). Храм на Немиге нуждался в серьёзном ремонте, так как после закрытия в 1934 г. в нём устроили перекрытия, разделившие церковь на четыре этажа. Денежных средств и квалифицированных рабочих, необходимых для проведения масштабного ремонта не хватало, поэтому его восстановление

³³ Корнилов А. А. Преображение России. О православном возрождении на оккупированных территориях СССР (1941–1944). Нижний Новгород, 2000. С. 139.

³⁴ Афанасій (Мармас), *архієпископ*. Матэрыялы да гісторыі... С. 54–55.

растянулось на несколько месяцев и было завершено ко дню празднования Рождества Христова. Кафедральным собором возрождающейся после антирелигиозного террора Минской епархии стала Спасо-Преображенская церковь бывшего женского монастыря.

Очень многие тогда обратились к Богу. Житель д. Шабуневщина Дзержинского района Антон Семянович в своих воспоминаниях писал: «у час акупацыі... хрысцілі не толькі нованароджаных, якіх было не так ужо і многа (усё ж такі ішла вайна), але і дзяцей-малалетак, падлеткаў і нават тых, каму ўжо было 15–18 гадоў, бо пры савецкай уладзе дзеці раслі ў большасці выпадкаў нехрышчонамі. Бывалі выпадкі, калі дзяўчына і хлопец пасля хрышчэння неўзабаве ішлі пад вянец»³⁵.

За первые четыре месяца оккупации Минска Святое Крещение приняли «22 000 детей самого разного возраста – от младенцев до 17–18-летних юношей и девушек. Не прекращались венчания – бывали случаи, когда в один день бракосочетание совершали от 20 до 30 пар»³⁶. Довольно часто заказывались и служились заочные погребения о тех, кто почил в конце 30-х гг., когда большинство храмов было уже закрыто и отпеть человека являлось проблемой.

Поскольку в Восточной Белоруссии новооткрытых церквей было совсем мало, многие её жители, проживавшие неподалёку от старой советско-польской границы, приезжали в храмы Западной Белоруссии и здесь совершали столь долго чаемые требы.

Подобная картина наблюдалась, к примеру, в Радошковичах, где в военные годы служил священник Иоанн Жарский. В первые дни немецкой оккупации, когда старая граница прекратила своё существование и стало возможным общение между западной и восточной частями местного прихода, «люди во множестве устремились в Радошковичи, чтобы принять участие в спасительных Таинствах Крещения, Исповеди, Причащения Тела и Крови Господних.

Несколько недель вся улица возле церковного дома была уставлена подводами. Отец Иоанн вначале сам оформлял регистрацию крещаемых, а затем из-за большого количества людей, ему стали помогать дочь Таисия и будущий священник Михаил Пясецкий. Все, кто видел

³⁵ *Семянович Антон*. З пражытага і перажытага. Минск, 2000. С. 171.

³⁶ *Новицкий В. И.* Религиозная жизнь Беларуси в военные годы (1941–1945 гг.) / Беларусь. 1941–1945. Подвиг. Трагедия. Память. Кн. 2. Минск, 2010. С. 163.

эти крещения в те трудные времена войны, невольно думали о чуде, сотворённом Господом, чтобы спасти души чад своих»³⁷.

О схожих событиях повествует священник Николай Хильтов. В 1941 г. он занёс в приходскую летопись такие слова: «жители Восточной Белоруссии часто обращаются к духовенству совершить требы. Происходит второе Крещение Руси, приходится крестить по 100 и более детей»³⁸.

В это время в Восточной Белоруссии продолжался процесс постепенного возрождения сельских приходов. 14 сентября по благословению епископа Венедикта вновь приступил к исполнению своих пастырских обязанностей священник Димитрий Мирошниченко. Он возглавил Свято-Петро-Павловский приход в Узде³⁹. В сан иерея был рукоположен в 1924 г. митрополитом Мелхиседеком (Паевским). В 1932 г. арестован и выслан на Колыму⁴⁰. В 1934-м освобождён и после этого возвратился в Минск.

12 октября 1941 г. митрополитом Пантелеимоном в Жировичском монастыре в священники к церкви с. Белоручи Логойского района был посвящён Иоанн Тумель. Ещё в 1900 г. он окончил псаломщицко-певческую школу в Вильно, затем его рукоположили во диакона, и он служил в церкви г. Сморгонь. «Ревностный, исполнительный, аккуратный и скромный» – так характеризовался этот пастырь в последующие годы своего служения⁴¹.

Поскольку владыки Пантелеимон и Венедикт не могли должным образом охватить своей архиерейской деятельностью всю территорию многострадальной Белоруссии, ими было принято решение совершить в ближайшее время новые архиерейские хиротонии. Первым кандидатом для возведения в сан епископа стал архимандрит Филофей (Нарко), приехавший в Жировичский монастырь из Варшавы. Его хиротония была совершена 23 ноября 1941 г. На следующий день прошло заседание Собора епископов Белорусской Православной Церкви.

После его окончания владыка Венедикт выехал в Гродно, откуда продолжил управлять Брестской епархией; а митрополит Пантелеимон

³⁷ *Шапльыко Фома, иерей*. Радошковичи православные. Белосток, 2008. С. 27.

³⁸ Летопись Иоанно-Предтеченской церкви с. Блячин Слуцкого повета / Архив протоиерея Феодора Кривоноса. Л. 41 об.

³⁹ Архив МЕУ. ПСУС. Т. 6 (М–Я).

⁴⁰ *Кривонос Феодор, священник*. У Бога мёртвых нет... С. 152.

⁴¹ Архив МЕУ. ПСУС. Т. 7 (С–Я).

и епископ Филофей отправились в Минск. 30 ноября они прибыли в полуразрушенную столицу Белоруссии. Как пишет Афанасий (Мартос): «...на спатканне іх зышлося многа людзей... Духавенства спатыкала сваіх уладык у царкве. Наогул сустрач была вельмі таржэственная і мнагалюдная. Народ цешыўся, што пасля шматгадовага перарыву нарэшце будзе ў іх свой епіскап, які ўзновіць праваслаўную традыцыю, якая была даўней»⁴².

На Витебщине...

Так же как и в Минске и его окрестностях, в Витебске с тяготевшими к нему городскими и сельскими поселениями первые храмы открывали местные жители, в течение нескольких предвоенных лет лишённые возможности посещать свои церкви.

Истрадавшиеся от невозможности безбоязненно выразить присущие им религиозные чувства верующие люди испытывали несказанную радость в связи с представившейся для них возможностью начать обустройство и посещение православных церквей. Злобная антирелигиозная пропаганда довоенных лет, сопровождавшаяся жестокими репрессиями, направленными против инакомыслящих, так и не смогла парализовать в их душах животворящее стремление к молитве и познанию Господа.

Открытие православных храмов на Витебщине курировал созданный при Витебской городской управе церковный отдел. В августе 1941 г. его возглавлял ныне канонизированный Православной Церковью как святой исповедник Владимир Николаевич Еленевский.

Он происходил из семьи духовного звания. В 1904 г. окончил юридический факультет Юрьевского университета. Работал следователем Витебского окружного суда в г. Двинске. Это был глубоковерующий человек и опытный юрист. В 1922 г. во время изъятия церковных ценностей он не раз осуждал творивших беззаконие и был приговорён за это к одному году тюремного заключения. В 1931 г. его арестовали второй раз, и он находился три года в ссылке⁴³.

⁴² Афанасій (Мартас), архіепіскап. Матэрыялы да гісторыі... С. 64.

⁴³ Житие святого исповедника Христова Владимира / Сост. иерей Владимир Горидовец. Витебск, 2007.

Во многом благодаря усердию, проявленному Владимиром Еленевским, в Витебске возобновили свою деятельность два храма: Свято-Покровский и Свято-Казанский (Маркова монастыря). «3 августа 1941 г., – отмечалось в местной газете “Новый Путь”, – было совершено первое богослужение в Свято-Покровской церкви и с тех пор непрерывно, сперва в воскресные и праздничные дни, а затем и ежедневно стали совершаться богослужения...»⁴⁴.

Вначале в Свято-Покровской церкви служил священник Феодор Тонковид – единственный православный пастырь, уцелевший от большевистского погрома в Витебске. До войны он служил в храме с. Ловец Невельского уезда в Псковской области. Был арестован в 1932 г. и на пять лет выслан на север. В 1937 г. отца Феодора освободили и он приехал в Витебск. Трудился чернорабочим на обувной фабрике⁴⁵.

В январе 1942 г. по просьбе своих бывших прихожан из с. Ловец он оставил Витебск и выехал к довоенному месту служения на Псковщину...

В первых числах августа 1942 г. отца Феодора пригласили навестить умирающего крестьянина преклонных лет. Пастырь сел на подводу, специально присланную за ним, и отправился в дорогу.

По сообщению газеты «Новый Путь»: «Путешествие поначалу было спокойным, но в лесу скоро начались печали. Подводу остановили “партизаны”. Первая партия бандитов по своему составу была русской, и остановка была непродолжительной. Вторая встреча с бандитами оказалась роковой. Эта группа была смешанная: много было евреев. “Командир” был тоже еврей. Остановив подводу, он подскочил к священнику и потребовал документы. А когда узнал звание, – засмеялся. “На Бога не надеешься?!” – насмешливо закричал он и ударил священника в ухо, затем в другое. Из носа пострадавшего хлынула кровь. Потом, по приказанию негодяя, священника стащили с телеги, сорвали с него крест, прикладом избили грудь и потащили в лес... Подвода вернулась к умирающему без священника»⁴⁶.

⁴⁴ Пароменский П. Годовщина раскрепощения религии // Новый Путь. 1942. № 59 (11 августа).

⁴⁵ Горидовец Владимир, священник. Жизнеописание священника Феодора Тонковиды // Преображение. 2008. № 3 (март).

⁴⁶ Отец Феодор Танковид (Некролог) // Новый Путь. 1942. № 74 (14 октября).

Так погиб священник Феодор Тонковид, совершивший первую Божественную литургию на Витебщине в начале Великой Отечественной войны...

В сентябре 1941 г. церковный отдел Витебской городской управы вместо Владимира Еленевского возглавил Павел Владимирович Пароменский, до революции окончивший Витебскую духовную семинарию, а затем С.-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия (1906) и Археологический институт (1906)⁴⁷. В дальнейшем он также немало сделал для восстановления ранее разрушенной местной церковной жизни.

Его родной брат священник Пётр Пароменский уже в июле 1941 г. по распоряжению отдела выехал в м. Островно Бешенковичского района, где вскоре открыл приходской храм и стал совершать в нём богослужения. Как и старший брат Павел, он окончил Витебскую духовную семинарию, С.-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия (1908) и Археологический институт (1908)⁴⁸.

Отец Пётр был рукоположен во иереи ещё в 1915 г. епископом Полоцким Кирионом (Садзаглишвили). В 1929 г. его арестовали. Вернувшись из заключения, он «жил, – по его словам, – за счёт личного физического труда». Открытая им церковь в Островно была одной из первых возобновлённых в пределах бывшей Полоцко-Витебской епархии. «В вере твёрд, религиозен, учителен», – читаем в его характеристике послевоенных лет⁴⁹.

К ноябрю 1941 г. поблизости от Витебска в населённых пунктах Фальковичи, Яновичи и Довбея возобновили свою деятельность ещё три приходских храма. Перед немецкими властями было возбуждено ходатайство об открытии церквей в Лесковичах, Шумилино, Сураже, Чашниках, Лиозно, Ловше, Лужесно и Высочанах.

Одновременно на повестку дня был поставлен вопрос о необходимости восстановления в Витебске Свято-Николаевского кафедрального собора. С 28 октября под руководством церковного отдела в этом храме начались восстановительные работы⁵⁰.

⁴⁷ Яковлев П. С. Памятная книжка Императорского Археологического Института в С.-Петербурге. 1878–1911 гг. СПб., 1911. С. 73.

⁴⁸ Там же. С. 78.

⁴⁹ Архив МГУ. ПСУС. Т. 5 (М–Р).

⁵⁰ Пароменский П. К восстановлению Свято-Николаевского кафедрального собора в Витебске // Новый Путь. 1941. № 42 (23 ноября).

В августе 1941 г. богослужения стали вестись в Оршанской Свято-Петро-Павловской церкви. Её настоятелем стал протоиерей Алексей Трусевич, до революции окончивший местное духовное училище и Могилёвскую духовную семинарию. Во иереи его рукоположили ещё в 1898 г., но в 1913 г. он вторично вступил в брак и поэтому, повинуясь каноническим предписаниям, перешёл на гражданскую работу⁵¹. В Орше, нарушив эти предписания, он прослужил до ноября 1942 г.

Постепенно православные храмы возрождались и в окрестностях Полоцка. 19 августа богослужения начались в Свято-Николаевском соборе м. Дрисса (ныне г. Верхнедвинск).

В сентябре «миссионером в Полоцкую землю» был назначен священник Никифор Мойсеёнок, до войны служивший настоятелем Голубичской церкви Плисского района Молодечненской области. В диаконский сан в 1914 г. его рукоположил будущий Патриарх Тихон (Белавин), в то время – архиепископ Литовский и Виленский. Во иереи возвёл владыка Елевферий (Богоявленский). В характеристике, составленной в 1956 г., об отце Никифоре было сказано, что это – «один из лучших пастырей в благочинии»⁵².

«Миссионером в Полоцкую землю» (а именно так отец Никифор охарактеризовал себя в послевоенном послужном списке, имея в виду 1941 г.) он был назначен, по всей видимости, митрополитом Виленским и Литовским Сергием (Воскресенским). Это предположение выглядит достаточно убедительным с той точки зрения, что Голубичская церковь, в которой служил отец Никифор, входила в состав Виленской епархии.

Митрополит Сергей явился не только организатором знаменитой Псковской миссии, участники которой несли крест пастырского служения на северо-западе России. Он также предпринимал попытки к оживлению церковной жизни в близлежащих к Виленской епархии белорусских землях.

Немцы, однако, не позволили ему развить инициативу в этом направлении. Как говорилось в отчёте Айнзатцгруппы «А» за период с 16 октября 1941 по 31 января 1942 г., миссионерская деятельность Право-

⁵¹ Архив МЕУ. ПСУС. Т. 6 (М–Я).

⁵² Там же. С. Т. 5 (М–Р).

славной Церкви, направлявшаяся из Вильнюса в пределы Белоруссии, была ими «парализована»⁵³.

Выше уже отмечалось, что оккупационные власти не были заинтересованы в создании единой церковной юрисдикции на захваченной ими территории. Они проводили политику разделения Православной Церкви в зоне оккупации на ряд автономных образований, боясь возрастания Её роли в жизни местного общества. Последнее обстоятельство заставило бы немцев в большей степени считаться с нуждами и интересами верующих. А это не входило в их планы.

В самом Полоцке первые службы с началом войны возобновились в Спасо-Преображенской церкви знаменитого Свято-Ефросиниевского монастыря. Их проводил священник Иоанн Соколовский. Это был необыкновенный служитель алтаря Господнего. До принятия сана он 30 лет проработал фельдшером, к которому больные нередко обращались, минуя врачей.

Вот какой образ этого пастыря, почившего в 1943 г., сохранил для потомков писатель Юрий Витьбич, посещавший Полоцк во время войны: «Когда на православную веру и её пастырей наступили гонения... фельдшер Соколовский, к удивлению своих знакомых, сменил белый халат на чёрную рясу. Он стал отцом Иоанном и этим сознательно вступил на тернистый путь крестных подвигов во имя Бога и Родины.

Несть числа мученикам римского Колизея, но никто не сочтёт и мучеников советской Колымы. Вначале чекисты сослали на Кольский полуостров жену о. Иоанна, где она погибла. Затем арестовали самого и, подвергая при допросах зверским пыткам, желали добиться от него публичного отказа от исповедания веры. В церкви Иоанна Богослова, переделанной в тюрьму, его, глубокого старика, сбивали ударами с ног и били по лицу сапогами, но вместо ожидаемой просьбы о пощаде слышали только два слова:

– Спаси, Господи!

У него вырывали бороду, ломали пальцы, выбивали зубы, но слышали тот же краткий ответ:

– Спаси, Господи!

⁵³ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 551.

Ему, полуживому от побоев, лежащему на грязном полу, гнусные палачи кричали:

– Эй, поп, ты ещё не окошел?

А он, собирая последние физические силы, шёпотом произносил:

– Спаси, Господи!

И смирение низенького, слегка сутуловатого старика, с небольшой седой бородкой и с нежным, почти юношеским цветом лица, приводило большевиков в бешенство. За этим смирением они чувствовали и нравственное право и духовную силу. Но безуспешно пытались ежовцы сломать эту духовную силу.

Разве могли они, потомки Иуды Искаротиота, понять, что о. Иоанн принадлежал к тем великим страстотерпцам, которые умирают на крестах и плахах с именем Христа на устах.

Германская армия освободила о. Иоанна из сталинских застенков. Ещё не оправившись от пыток, он сразу пришёл в древнюю восьмисотлетнюю церковь Всемиловитового Спаса. После освящения поруганного храма он, облачившись в ветхое, случайно уцелевшее иерейское облачение, поднял взор, полный глубочайшей бессмертной веры, к старинному образу Спасителя, на котором большевики выцарапали лик, и провозгласил:

– Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков! Аминь.

Отец Иоанн гостеприимно встречал своих многочисленных посетителей, оказывая им моральную и материальную поддержку, но сам жил очень скромно. Все свои лишние священнические доходы он употреблял на капитальный ремонт Воздвиженского собора. Только благодаря его непонятной на первый взгляд энергии храм был быстро восстановлен ко дню Светлого Христова Воскресения. А вскоре после Пасхи о. Иоанн умер. Когда во время заупокойной обедни диакон провозгласил:

– Упокой, Боже, раба Твоего, – то переполненная церковь ответила единодушным рыданием...»⁵⁴.

Нельзя не отметить в этой связи, что образ отца Иоанна Соколовского, воссозданный хорошо знавшим его Юрием Витьбичем, является впечатляющим подтверждением слов святого апостола Павла о том, как в немощи человеческой сила Божия совершается (2 Кор. 12: 9).

⁵⁴ Некролог памяти священника И. К. Соколовского от 7 октября 1943 г. / Православная Церковь на Витебщине (1918–1991). Документы и материалы. Минск, 2006. С. 133, 134.

В начале декабря 1941 г. в Полоцке после долгих и мучительных лет забвения протоиереем Владимиром Голосовым, прибывшим из г. Дисны, был освящён Софийский собор. По благословению экзарха Прибалтики митрополита Виленского и Литовского Сергия (Воскресенского) на престоле этого древнего храма прикрепили грамоту, слова которой гласили: «Дана сия грамота дисненскому благочинному магистру богословия Владимиру Голосову для освящения Софийского собора и престола, поруганного и осквернённого большевистской властью и превращённого в музей»⁵⁵.

Протоиерей Владимир Голосов был вторым (наряду с отцом Никифором Мойсеёнковым) из известных нам сегодня миссионеров, которые посещали Белоруссию по благословению митрополита Сергия во второй половине 1941 г.

На Могилёвщине...

Первым храмом, открытым на Могилёвщине, стала церковь Святых Апостолов Петра и Павла, располагавшаяся в предместье г. Могилёва на Луполове.

С 9 августа 1941 г. богослужения в ней начал совершать священник Михаил Агеев⁵⁶. До войны он являлся настоятелем Свято-Троицкой церкви с. Головчин Бельничского района. В 1932 г. был арестован по обвинению в принадлежности к мифической «церковно-повстанческой антисоветской организации». Отбывал срок заключения в Сибири⁵⁷. После освобождения возвратился в Белоруссию. Это был выдающийся пастырь. В сан священника его рукоположил епископ Гомельский Варлаам (Ряшенцев), умерший в Вологодской тюрьме НКВД в 1942 г.⁵⁸ В протоиереи возвёл епископ Могилёвский Феодосий (Ващинский), принявший смерть от безбожников в 1937 г.⁵⁹ Забегая вперёд, отметим, что

⁵⁵ *Горидовец Владимир, священник.* Церковная жизнь на территории Полоцко-Витебской епархии в период немецкой оккупации в 1941–1944 годах // Преображение. 2009. № 6 (июнь).

⁵⁶ Архив МЕУ. ПСУС. Т. 1 (А–В).

⁵⁷ *Маракоў Леанід.* Рэпрэсаваныя праваслаўныя свяшчэнна- і царкоўнаслужыцелі Беларусі. 1917–1967. Т. I. Минск, 2007. С. 24.

⁵⁸ История Русской Православной Церкви. Т. I. СПб., 1997. С. 539.

⁵⁹ Мученический и исповеднический подвиг Могилёвских святителей XX века: Феодосия (Ващинского), Свмч. Павлина (Крошечкина), Александра (Раевского). Минск, 2002. С. 15.

после войны протоиерей Михаил Агеев был духовником Могилёвского благочиния и пользовался редкой любовью и большим авторитетом среди собратьев по пастырскому служению и простых мирян.

Вместе с отцом Михаилом Агеевым в Свято-Петро-Павловской церкви в начальный период войны служил полуслепой иеромонах Иоанникий (Панькевич), с 1937 г. – единственный православный священник-катокомбник Могилёва и его окрестностей, до начала войны скрывавшийся от властей⁶⁰.

В Могилёве было образовано Временное епархиальное управление, которое стало назначать на приходы священников. Его организовал и возглавил протоиерей Константин Радзивинович, речь о котором пойдёт ниже. Именно оно оказалось в центре возрождавшейся церковной жизни на Могилёвщине в первые месяцы войны⁶¹.

28 августа указом этого управления настоятелем Свято-Успенской церкви с. Голени Могилёвского района назначили иерея Петра Соиченко. До 1932 г. он служил в Свято-Троицком храме с. Городище того же района. Затем подвергся аресту и был приговорён к восьми годам заключения. После освобождения возвратился на Родину. О себе он оставил память, как «добрый, ревностный служитель Святого Алтаря»⁶².

В августе 1941 г. по инициативе местных жителей возобновил свою деятельность Спасо-Преображенский храм в Шклове⁶³.

В том же месяце под руководством священника Стефана Клинцева верующие восстановили Свято-Троицкий храм в Быхове. Вдохновивший и организовавший их на это благое дело пастырь был человеком исповеднической судьбы.

Сан диакона он принял в 1929 г., когда в Восточной Белоруссии крестьяне подверглись массовой коллективизации, а Церковь жестоким гонениям. Рукоположил его епископ Могилёвский Феодосий (Ващинский), позднее расстрелянный большевиками⁶⁴.

⁶⁰ Архив МЕУ. ПСУС. Т. 5 (М–Р).

⁶¹ *Иванова М.* Протоиерей Константин Радзивинович // Могилёвские епархиальные ведомости. 2005. № 157.

⁶² Архив МЕУ. ПСУС. Т. 7 (С–Я).

⁶³ *Лебедь Сергей, священник.* Свято-Георгиевская церковь с. Высокое Шкловского района // Могилёвские епархиальные ведомости. 2006. № 1 (158).

⁶⁴ *Кривонос Феодор, священник.* Мученический и исповеднический подвиг Могилёвских святителей XX века... Минск, 2002. С. 15.

В 1931 г. молодого диакона арестовали и отправили на один год принудительных работ за невыполнение лесозаготовок. Отбыв этот срок, он, однако, не изменил своему призванию и решил продолжить служение Богу и людям в то суровое, опасное время. 15 марта 1932 г. епископ Феодосий возвёл его в сан священника.

До конца 1934 г. отец Стефан окормлял приход в с. Гладково Чаусского района. После закрытия храма он вынужден был заняться... плетением корзин для торфозаготовок, а в 1937 г., предчувствуя свой скорый арест, по его собственным словам, «перешёл на полулегальное положение и находился на нём до 12 июля 1941 г., т.е. до момента оккупации Быховского района немецко-фашистскими войсками»⁶⁵.

16 сентября 1941 г. Могилёвское епархиальное управление назначило священника к Высоцкой церкви Шкловского района. Им стал иерей Константин Семенюк, до войны служивший в церкви с. Корсаковичи Борисовского района. Арестованный в 1933 г., он после выхода на свободу с мая 1936 г. проживал в Могилёве, трудился разнорабочим на фабрике⁶⁶.

Осенью 1941 г. богослужения возобновились в Свято-Борисо-Глебской церкви Могилёва. Её настоятелем стал протоиерей Николай Бекаревич, до войны отбывший десятилетний срок заключения в концлагере⁶⁷. В качестве его помощника выступил священник Онисим Коваленко, до 1930 г. служивший в церкви с. Ульяновичи Сенненского района Витебской области, а в 1930–1935 гг. находившийся в тюрьме⁶⁸.

26 октября 1941 г. в должность настоятеля Трёхсвятительской церкви Могилёва вступил протоиерей Константин Радзивиневич, характеризовавшийся, как «трудолюбивый и добрый пастырь, который дело пастырское любит и исполняет с великим тщанием»⁶⁹. За его плечами остался пятилетний срок пребывания в концлагере, где он работал на строительстве канала Москва–Волга⁷⁰.

⁶⁵ УКГБ по Могилёвской области. Д. 15032-сн. Л. 24 об.–25.

⁶⁶ Архив МЕУ. ПСУС. Т. 7 (С–Я).

⁶⁷ Там же. Т. 2 (А–М).

⁶⁸ Там же. Т. 4 (К–Л).

⁶⁹ Там же. Т. 6 (М–Я).

⁷⁰ *Кривонос Феодор, священник. У Бога мёртвых нет...* С. 173.

В помощь отцу Константину 10 декабря Могилёвским епархиальным управлением вторым священником в Трёхсвятительскую церковь был определён шестидесятилетний протоиерей Иларион Бразовский, несмотря на свой возраст и физические немощи, запомнившийся верующим людям, как «ревностный служитель Церкви Божией, идущий навстречу нуждам прихожан»⁷¹.

Наряду со Свято-Петро-Павловской (на Луполове), Свято-Борисо-Глебской и Трёхсвятительской церквями к концу октября 1941 г. в Могилёве были возрождены ещё два православных храма: Свято-Николаевский и кладбищенский (по Быховскому шоссе)⁷².

В первые месяцы войны возобновил работу Бельничский монастырь Рождества Пресвятой Богородицы. Нелёгкий крест служения в нём принял на себя архимандрит Марк (Сидляр), по отзыву современников «многоболезненный старец, всей душой преданный Господу и Его Святой Церкви»⁷³. Он также был судим в своё время. После освобождения проживал в Бельничках.

Помощником отца Марка стал диакон Архип Павленко, бывший целибатом. В его характеристике послевоенных лет читаем: «Скромный, трудолюбивый и нестяжательный... он самообразованием достиг многого... Его простые слова, проникнутые теплотой сердца, доходят до сердец верующих»⁷⁴.

Среди возрождённых в 1941 г. на Могилёвщине приходских церквей нельзя не упомянуть и церковь Святого Димитрия Ростовского с. Выдрянка Краснопольского района. В период войны этот храм действовал в радиусе 60–80 км, окормляя прихожан с самых дальних уголков района⁷⁵.

На Гомельщине...

Гомель был захвачен немецкими войсками 19 августа 1941 г. Вскоре при городской управе оккупационные власти учредили отдел народного просвещения, который возглавил Николай Николаевич Будзило-

⁷¹ Архив МЕУ. ПСУС. Т. 2 (А–М).

⁷² Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны... С. 43.

⁷³ Архив МЕУ. ПСУС. Т. 6 (М–Я).

⁷⁴ Там же. Т. 5 (М–Р).

⁷⁵ *Сям'янава Г. К.* 100-гадовы юбілей Свята-Дзімітрыеўскай царквы ў с. Выдрянка Краснопольскага р-на // Могилёвские епархиальные ведомости. 2005. № 4 (157).

вич. До июня 1942 г. этот отдел заведывал всеми делами, связанными с открытием на Гомельщине православных приходов и назначением на них священнослужителей.

Заметную роль в организации церковной жизни в Гомеле и его окрестностях в период оккупации города сыграл протоиерей Николай Гейхрех, со временем ставший местным благочинным.

По его свидетельству, сразу после вступления в Гомель немцев, богослужения возобновились в тамошнем кафедральном соборе Святых Апостолов Петра и Павла. В нём поочерёдно стали служить: вначале немцы (по-видимому, лютеране); затем – римо-католики и только в последнюю очередь – православные.

Такое положение дел вызвало недовольство среди последних, так как храм изначально являлся православным и никогда не использовался в качестве кирхи или костёла.

Поэтому православные верующие обратились с ходатайством в городскую управу, чтобы им для проведения служб выделили другое помещение. Таковое было предоставлено по улице Советской. Им являлся бывший физкультурный клуб. После ремонта 25 октября 1941 г. в нём освятили храм в честь Святого Великомученика Георгия, настоятелем которого стал протоиерей Николай Гейхрех.

С наступлением зимы немцы освободили кафедральный собор и православные верующие занялись ремонтом этого величественного храма, изготовлением иконостаса, приобретением необходимой церковной утвари. Его освятили 17 марта 1942 г.

17 декабря 1941 г. старанием верующих в Гомеле возродилась ещё одна церковь, освящённая в честь Святителя Николая. В простонародье она называлась Полесской и обслуживала духовные нужды Залинейного района Гомеля⁷⁶.

Таким образом, во второй половине 1941 г. в Восточной Белоруссии, оккупированной немецкими войсками, в условиях невероятных трудностей, многих лишений и невзгод начался процесс возрождения церковной жизни.

Это возрождение явилось отражением чаяний самого белорусского народа. Оно проистекало из той глубокой расположенности к Православной Церкви, которую за годы гонений так и не смогли вытравить

⁷⁶ Архив УКГБ по Брестской области. Д. 13331-с. Л. 173–173 об.

в душах людей большевики. В пределах Минщины, Витебщины, Могилёвщины и Гомельщины были открыты десятки храмов, в которых вновь стали возноситься молитвы ко Господу, духовно укреплявшие верующих в несении ими тягот военного безвременья.

В этой связи заслуживает внимания та оценка, которую дал этим первым месяцам возрождения Белорусской Церкви в условиях оккупации современник тех событий и в дальнейшем их непосредственный участник архиепископ Афанасий (Мартос).

Он запечатлел ход событий первых месяцев 1941 г. в следующих словах: «С приходом немецких войск верующие принялись за восстановление разрушенной церковной жизни. Немецкие военные власти помогали в этом с расчётом на приобретение народной симпатии. Находились священники, которые многие годы скрывали свой сан, опасаясь преследования. Немцы выдавали им удостоверения, дающие право беспрепятственно совершать богослужения и исполнять пастырские обязанности в условиях военной оккупации. Верующие принимали священников с любовью, отстраивали полуразрушенные церкви, украшали их иконами, приносили церковно-богослужебные предметы и книги, которые бережно хранили у себя дома от взора безбожников и гонителей веры. Богослужения начали совершаться в переполненных храмах. Священников было весьма мало, а нужда в них была велика. Нива Божия созрела, но делателей на ней не хватало. Священникам приходилось совершать Таинство Крещения детей и взрослых десятками за один раз. Это было второе крещение Руси, как бы новое возрождение православной веры на всех просторах Восточной Беларуси⁷⁷.

⁷⁷ Афанасий (Мартос), архиепископ. Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни. Минск, 2000. С. 323–324.